

«Помышляю день страшный»

Рос. мюз. гзета. — 1999. — № 10. — С. 11
К 75-летию со дня смерти А. А. Архангельского

На одной из пражских улиц висит скромная табличка «В этом доме в 1923—1924 годах жил и умер Александр Андреевич Архангельский. 1846—1924». Каким образом знаменитый русский дирижер, первый заслуженный артист Республики оказался в конце своей жизни в Праге? Ответов на этот вопрос существовало несколько. В известной книге Д. Локишина «Замечательные русские хоры и их дирижеры» (1963) читаем: «В 1924 году хору под руководством Архангельского была поручена ответственная миссия: первому из хоро-вых коллективов отстаивать честь советского музыкального искусства за рубежом (в Чехословакии)» (с. 80).

На самом же деле, как доподлинно известно сегодня, все обстояло несколько иначе.

Подозревал ли А. А. Архангельский, которого называли «главным хормейстером России», что созданный им в 1898 году концерт «Помышляю день страшный» станет пророческим и ему на закате жизни 77-летним старцем придется в поисках хлеба насущного отправиться на чужбину, чтобы окончить там свой путь?

В фондах ГЦММК имени Глинки сохранился потрясающий человеческий документ — письмо Архангельского своему другу А. Касторскому в Пензу. Написано оно в 1922 году, по вполне понятным причинам ранее не публиковалось, но и сегодня, через три четверти столетия, потрясает своей трагической безысходностью.

«Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Васильевич.

При тяжело сложившихся обстоятельствах я пишу Вам, мой дорогой Алексей Васильевич; помимо всех бед, обрушившихся вообще на интеллигенцию, у меня и у нас в перспективе голод. В свою усадьбу я ехать не могу, потому что там уже все расхищено «товарищами», и я не знаю, куда мне приклонить голову на предстоящее лето. И вот я решил поехать на свою старую родину, к сожалению, все мое родство там покончило свое существование; есть у меня родной брат и

родной дядя, но они живут во Владикавказе, и я совершенно не знаю, что с ними делается в настоящее время. Приходится отыскивать старых друзей.

Обращаюсь к Вам, Алексей Васильевич, с просьбой дать мне сведения, могу ли я как-нибудь устроиться в Пензе или в какой-нибудь деревне. Я должен знать, как стоит у вас продовольственный вопрос, какое направление мысли в деревнях, ведь помещичьи гнезда уже разорены, может быть, что уже разорять больше нечего.

Из Пензы я мог бы поехать в село, где служил мой старший брат священником; это село Мордовский Ишим Городищевского уезда, жили его очень чтили и любили моего брата; может быть мне и можно было бы там устроиться. Священником это(го) села был, не знаю как теперь, Василий Златкрев.

О своей жизни в Петрограде ничего особенного не могу сказать, хор мой, хотя и в уменьшенном составе, функционирует, даю концерты; но все окружающее до того тяготит, что и руки опускаются, чтоб продолжать свою деятельность. Общество Певческое, основанное мною, едва влечит, благодаря, конечно, обстоятельствам, свое существование. Материальное положение, вследствие опять-таки причин от нас не зависящих, ужасное: за целый год Общество не выдавало пенсии своим членам и концертов духовной музыки вот уже четыре года не даем при капитале 118 000.

Но что делать? Разруха полная и общая!

Надеясь на Ваше ко мне всегда доброе отношение, я думаю, что Вы не откажетесь исполнить мою большую просьбу.

Преданный Вам и любящий Ваш Архангельский

5 апреля / 23 марта (1922 г.)

Желательно знать, как работает железная дорога».

Не по заданию правительства и не славы ради престарелый маэстро отправился за границу. Случилось так, что на обратном пути из Пензы он встретил А. Т. Гречанинова, который по просьбе

пражского Общественного русского хора подыскивал для руководства им видного русского хормейстера. Ниже мы приводим еще два, также ранее не публиковавшихся документа: это датированные одним и тем же числом письма А. Гречанинова и А. А. Архангельского одному из руководителей этого коллектива Н. А. Кожину.

27 ноября, 1922 г.

«Очень радуюсь, дорогой Николай Андреевич, что мне посчастливилось так быстро устроить Ваше дело. Александр Андреевич проездом из Пензы в Петроград сегодня прибыл в Москву и пришел ко мне, и все было сделано. Теперь дело за Вами. Желаю от души успеха хору. Передайте всем мой сердечный привет. Вам крепко жму руку. Ваш А. Гречанинов.

Прошу Вас, Николай Андреевич, обо всем информировать 2-жу Алису Масарик».

А вот письмо самого А. А. Архангельского.

«Милостивый государь Николай Андреевич!

Я получил от Александра Тихоновича Гречанинова предложение по-работать с хором в Праге. Предложение это мне показалось очень лестным, и я с удовольствием согласился бы на него, если бы оно не было стеснительным для Вас, а равно и для меня: я мог бы приехать к Вам на некоторое время, чтобы Вы могли быть уверенным, что дальнейшая моя работа будет казаться Вам удовлетворительной. Можно было бы за этот краткий период времени выступить в каком-нибудь концерте и т. д. — Александр Тихонович передал мне Ваши условия, квартира и стол (словом, все содержание) и 1500 крон в месяц; на эти условия я согласен пока. Если Вы согласны, то прошу Вас выслать визу и деньги на дорогу.

Адрес мой: Петроград, Стремянная, 7, кв. 7.

С совершенным уважением имею честь готовый к услугам Вашим А. Архангельский.

27 ноября 1922 г. Москва»

С этого времени начинается недолгий, около двух лет, зарубежный период жизни А. А. Архангельского.

А. ТЕВОСЯН.